

УДК 821.161.1.09-31

Соколянський М.Г.

доктор філологічних наук, професор
г. Любек, ФРГ
m.sokolyansky@gmail.com

«ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ» ИЛЬИ ИЛЬФА И ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВА: ЗАМЕТКИ К КОММЕНТАРИЮ

За последние четверть века появилось несколько комментированных изданий знаменитой диалогии Ильи Ильфа и Евгения Петрова, однако ещё остаются непрояснёнными и недостаточно прокомментированными отдельные места, характеры и детали в произведении. В предлагаемых заметках содержатся некоторые добавления и корректировки к комментарию первого из романов диалогии.

Ключевые слова: Ильф, Петров, диалогия, роман, комментарий, лакуны, источник, прототип.

Блестяще выдержавшая труднейшее из испытаний – испытание временем – сатирическая диалогия Ильи Ильфа и Евгения Петрова отразила многие черты того непростого периода истории, в контексте которого она создавалась. Новейшего читателя отделяет от той эпохи более чем восьмидесятилетняя дистанция, и не приходится удивляться тому, что некоторые смысловые акценты ускользают от понимания новых поколений поклонников прекрасных книг, либо прочитываются ими не вполне точно. Совершенно очевидно, что культурные издания этих романов должны включать добротный свод примечаний.

Необходимость такового комментария была осознана отдельными исследователями ещё в последней трети прошлого века. Заметным событием стал выход в отдельном выпуске журнала «Wiener Slawistischer Almanach» за 1990-1991 гг. подробного комментария к диалогии («Спутника читателя»), подготовленного Ю.К.Щегловым. Спустя несколько лет в московском издательстве «Панорама» вышло издание «Двенадцати стульев», сопровождаемое комментарием Ю.К.Щеглова [5, 92-104, 427-653]. Через два года издательство «Вагриус» выпустило тот же роман в его «самом раннем из сохранившихся вариантов» с примечаниями М.Одесского и Д.Фельдмана [6]. Появились и журнальные статьи с дополнениями к уже опубликованным комментариям [1]. Наиболее обстоятельный из имеющихся комментариев, выполненный Ю.К.Щегловым, был несколько раз переиздан отдельной книгой. Третье издание, исправленное и дополненное, вышло в 2009 г. и уже прочно вошло в литературный обиход. При всей поразительной полноте и научной основательности комментария Ю.К. Щеглова, а также безусловной полезности ряда дополнений, сделанных как им самим, так и некоторыми другими авторами, хотелось бы обратить вни-

мание на три недостаточно прояснѐнных либо просто пропущенных различными комментаторами момента в первом романе обсуждаемой дилогии Ильфа и Петрова.

1. В первой главе «Безенчук и нимфы» читаем, что проснувшийся

Ипполит Матвеевич Воробьянинов «пропел самому себе»: «Бонжур». «"Бонжур" указывало на то, что Ипполит Матвеевич проснулся в добром положении. Сказанное при пробуждении "гут морген" обычно значило, что печень пошаливает, что пятьдесят два года – не шутка и что погода нынче сырая...» [4, 29]. В этой фразе примечательно употребление иностранных слов. Если с французским приветствием выпускник Старгородской дворянской гимназии, «орудующий в пределах гимназического курса» [4, 336], справляется более или менее благополучно, то «Гут морген» звучит просто безграмотно: по-немецки следовало бы сказать: «гутен морген» (Guten Morgen).

Разумеется, здесь не может идти речь об авторской описке, опечатке и т. п.: такого рода лексические и грамматические неточности намеренно внесены писателями в речь их персонажа. В главе «Продолжение предыдущей» из черновой редакции романа была такая фраза: «...*Просыпаясь по утрам, он говорил себе "Гутен морген" или "Бонжур"...*». Но эту главу авторы исключили из белой редакции, оставив героя с его безграмотным «гутморгеном». В первой редакции последней главы романа, названной «Сокровище», можно было прочесть такое предложение, вычеркнутое авторами впоследствии: «*Просыпаясь по утрам, не пел он* (Воробьянинов – М.С.) *уже своих бонжуров и гутморгенов...*».

О неважном знании бывшим уездным предводителем дворянства иностранных языков свидетельствует и его «*дебют по части нищенства у пятигорского "Цветника"*» (глава «Вид на малахитовую лужу»). Из глав «Бойкий мальчик» и «Продолжение предыдущей», исключѐнных из текста уже при подготовке первой, журнальной публикации, узнаѐм, что «*мальчик Ипполит*» в гимназии учился скверно. Его оценками в приготовительном классе Старгородской дворянской гимназии были «*единицы, двойки, двойки с плюсом и тройки с двумя минусами*», а в третьем классе он остался на второй год. Да и в старших классах не блистал: «*его мучили квадратные уравнения, "чѐртова лестница" (объѐм пирамиды), параллелограмм скоростей и "Метаморфозы" Овидия...*» [4, 539]. В этот ряд «мучений», наверное, можно было бы поставить также изучение иностранных языков.

Помимо биографического объяснения – нерадивого ученья Воробьянинова в гимназии – можно указать ещё и на **литературный** источник искажѐнного приветствия «гут морген». В петербургской повести Н.В.Гоголя «Невский проспект» об одном из главных персонажей – принадлежавшем к «*среднему классу общества*» поручике Пирогове – сказано, что он «*знал по-немецки только 'гут морген'*» [3, 34]. Имя Гоголя вспоминается чуть ли не в первую очередь разными авторами, рассуждающими о традициях русской классической литературы

в романах Ильфа и Петрова. Думается, что и замеченное общее искажение немецкого приветствия в речах персонажей указывает не на простое совпадение, а на генетическую связь.

2. В главе XXIII «Авессалом Владимирович Изнуренков» обладатель библейского имени и значащей фамилии обращается к Воробьянинову: «*Вы когда-нибудь видели такого кота? Скажите, он в самом деле пушист до чрезвычайности?*» [4, 227]. Затем, уже прощаясь с Ипполитом Матвеевичем, повторяет ту же формулировку: «*...А котик? Правда, он пушист до чрезвычайности?..*» [4, 228] и с тем же вопросом обращается к девушке в главе XXVI «Два визита» [4, 249]¹. Повторение необычного оборота играет здесь роль своего рода усиления, подчёркивающего индивидуальность профессионального остряка Изнуренкова; в его речи оно создаёт комический эффект. Между тем вероятный литературный источник – отнюдь не юмористическое произведение. В рассказе А.П.Чехова «Студент» герой говорит Василисе: «*...Ах, какая то была страшная ночь, бабушка! До чрезвычайности* (подч. мной – М.С.) *унылая, длинная ночь!..*» [15, 16]. Ильф и Петров использовали это выражение в совсем ином контексте, где и эффект оно производит совершенно иной.

В центре главы XXIX «Автор "Гаврилиады"» – эпизодический, но запоминающийся персонаж, поэт-халтурщик Никифор Трубецкой-Ляпис. На возможное происхождение его опусов о Гавриле, подсказанных скорее всего журналом «Бузотёр» с его постоянной рубрикой «Крути, Гаврила!», указывали авторы известных трудов [2, 146-147; 16, 259]. Существует, правда, и другая версия.

Поэт Александр Коваленков в своей мемуарной книге «Хорошие, разные», без каких-либо серьёзных аргументов, сообщил, что идея графоманской «Гаврилиады» была подсказана Ильфу и Петрову О.Э.Мандельштамом [7, 10]. Единственным основанием для этого утверждения послужило шутовское четверостишие Мандельштама:

*Любил Гаврила папирасы.
Он папирасы обожал.
Зашёл однажды он к Эфросу,
«Абрам, он, Маркович» – сказал.*

Вспоминает этот экспромт знаменитого поэта и Ю.К.Щеглов в более позднем варианте своего комментария, включённого в одно из новейших изданий «Двенадцати стульев», и в самом полном издании своего комментария [16, 262].

Самое простое решение – объяснить разительное сходство случайным совпадением – в данном случае вряд ли уместно. Конечно, какие-то со временем замечаемые совпадения в литературе не так уж редки. Поскольку речь идёт о книгах Ильфа и Петрова, ограничусь одним лишь примером. В первой главе «Двенадцати стульев» есть такая фраза: «*У входа в своё потасканное заведение*

¹ С этим же выражением читатель встречается и в окончательной редакции первой главы «Безенчук и "нимфы"». О теще Воробьянинова сообщается, что «скупа она была до чрезвычайности» [4, 30].

стоял, *прислонясь к дверному косяку* (подч. мной – М.С.) *и скрестив руки, гробовых дел мастер Безенчук...*» (4, 31). Выделенный деепричастный оборот дословно совпадает со второй строкой стихотворения Бориса Пастернака «Гамлет», созданного много позднее и открывающего поэтическую тетрадь Юрия Живаго в знаменитом романе:

*Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далёком отголоске,
Что случится на моём веку.* [14, 390]

Делать из этого совпадения далеко идущие выводы о заимствовании и влиянии, думается, не стоит: сам по себе деепричастный оборот и по лексике, и по синтаксису не содержит ничего экстраординарного, идиостилевого. В случае же с Мандельштамом и имя «Гавриила», и пафос первых двух строк, и насмешливый тон всего четверостишия исключают возможность случайного совпадения. Родство этого стихотворения с «Гаврииладой» настолько очевидно, что самым главным становится вопрос о датировке шуточных строчек Мандельштама.

Здесь-то и начинаются серьёзные расхождения. Мандельштама в последнее время издают часто и повсюду, с академически серьёзным отношением к составлению и без оно; в некоторые издания включается и это четверостишие. В одних однотомниках оно датируется 1923-24 гг., в других находим указание на 1927 г. [11, 29]. В двухтомнике, составленном С.Аверинцевым и П.Нерлером [10], четверостишие вынесено в раздел «Шуточные стихотворения» и снабжено пометой «без даты». Во втором томе четырёхтомного собрания сочинений П.Нерлер и А.Никитаев также вынесли это короткое стихотворение в раздел «Шуточные стихи» [12, 84].

Наверняка известно лишь то, что этот экспромт опубликован по списку Н.Я.Мандельштам с её пометой: «У Багрицкого в Кунцеве»¹. Известно, что Э.Багрицкий переехал из Одессы в Москву в 1925 г., стало быть, датировка четверостишия 1923-24 годами заведомо неверна. Указание на 1927 г. тоже не даёт оснований делать определённые заключения о приоритете кого-либо из авторов: роман «Двенадцать стульев» создавался авторами во второй половине 1927 г. и, по их собственному признанию, в январе 1928 г. был уже полностью завершён. Тогда же началась публикация романа в журнале «30 дней».

В литературе об Ильфе и Петрове устоялось мнение, что прототипом творца «Гавриилады» послужил соавторам поэт Осип Колычев [16, 262]. Соотнесён-

¹ Составитель тома сочинений Мандельштама в «Новой библиотеке поэта» А.Г.Мец, опираясь на устное сообщение Н.И.Харджиева, считавшего, что этот текст не принадлежит Мандельштаму, вынес шутивное стихотворение из основного текста в приложение [13]. Правомерность такого решения вызывает немалые сомнения. Память и мнение одного человека – будь то не слишком эрудированный Коваленков или знаток Харджиев – не может служить достаточным доказательством, а посему и четверостишие, о котором идёт речь, продолжает считаться творением поэта. В пользу авторства Мандельштама свидетельствует и его склонность к шутивным стихам, в ряду которых вполне органично выглядит и обсуждаемый экспромт.

ность типа и прототипа заявлена уже в выборе «сиятельных» псевдонимов: боярская фамилия Колычев и княжеская – Трубецкой.

Однако в последнее время появились на свет и новые гипотезы. Так, М.Одесский и Д.Фельдман в своём комментарии, изобилующем открытиями сомнительного свойства, обнаруживают в «творчестве» Ляписа-Трубецкого аллюзии на... Владимира Маяковского. Впрочем, эта фантастическая гипотеза вряд ли заслуживает серьёзного обсуждения. Приведу ещё один пример поиска сенсаций. Сравнительно недавно профессор математики А.Д.Вентцель, опираясь на обсуждаемое четверостишие, с удивительной уверенностью высказал свою гипотезу:

«...Почему не быть смелее и не заключить, что Никифор Ляпис-Трубецкой-Юсупов-Сумароков-Эльстон и его «Гаврилада» – образ, комбинирующий определённые элементы О.Колычева и О.Мандельштама? Конечно, не так-то легко решиться на это: Мандельштам является иконой (а Колычев – нет). Но в 1927-28 годах О.Мандельштам имел признание, но не был иконой, он был молод – не так безнадежно молод, как Колычев, но молод... Что ещё, кроме авторства «Гаврилады» (? – М.С.), указывает на то, что Мандельштам входит одной из составных частей в образ Ляписа? Да самое имя Ляпис... Все мы, русские старшего поколения, учившие латынь и не учившие, знаем латинское слово «ляпис», которое в аптеке означало «камень» (для прижигания ранок). Это почтенная традиция европейской культуры – называть творца по имени его творения: Мандельштама – по имени «Камня». Не говоря уже о том, что Колычев и Мандельштам – тёзки...» [1, 208].

Гипотезе А.Д.Вентцеля по поводу «комбинации определённых элементов» не откажешь в безудержной смелости, однако и доказательной её назвать трудно. Утверждение строится на двух, по сути, аргументах: во-первых, Мандельштам и Колычев были тёзками, а во-вторых, название первого сборника Мандельштама совпадает с основным значением латинского слова lapis. Аргументация, на мой взгляд, не слишком убедительная. Выбор фамилии «Ляпис» можно с не меньшим основанием объяснить и созвучием её с истинной фамилией Колычева (Сиркис), равно как и со словом «ляпсус»; кстати, «Ляпсусом» насмешливо называет в романе автора «Гаврилады» репортёр Персицкий. Так что «почтенная традиция европейской культуры» здесь, вероятно, ни при чём. А в исключённой главе XXXII («Могучая кучка или золотоискатели») сообщается, что «Ляпис носил капитанскую фуражку с гербом Нептуна». Не намёк ли это на одесское (приморское) происхождение О.Колычева? С обликом Мандельштама такая деталь никак не вяжется.

Разумеется, Мандельштам и Колычев были современниками и тёзками (они ли одни?), но от проницательных Ильфа и Петрова не могла укрыться одна «маленькая» разница: Мандельштам был исключительно талантлив, а Колы-

чев – наоборот. (Последнее обстоятельство было давно подмечено и обыграно несколькими эпиграмматистами). Не забыть бы при этом, что определяющим качеством автора «Гаврилиады» Никифора Ляписа являются его абсолютная бездарность и необразованность.

Против упомянутого выше предположения свидетельствует и безусловная духовная близость столь разных авторов, как О.Мандельштам и создатели «Двенадцати стульев». Очень убедительно написал об общей («неизлечимо интеллигентной») *«манере думать и выразить свои мысли»* у Ильфа, Мандельштама и Булгакова автор лучшей на сегодняшний день книги о диалогии Ильфа и Петрова Я.С.Лурье [8, 176-182]¹. Вспомним, что О.Мандельштам в 1929 г., когда советская критика как будто не замечала читательского успеха «Двенадцати стульев», высоко оценил *«брызжущий весёлой злобой и молодостью»* первый роман Ильфа и Петрова в своей статье «Веер герцогини» [9, 245].

Удивительно, что в сообщении А.Вентцеля оставлен без внимания наиболее важный вопрос: «Могли ли знать Ильф и Петров шутовское четверостишие Мандельштама в 1927 г. или оно всё-таки появилось позднее?».

В этой связи заслуживающим внимания представляется мнение В.А.Кошелева, высказанное в личном письме к автору настоящих заметок:

«...Мне кажется, что если этот экспромт и принадлежит Мандельштаму, то он мог быть создан только после «Двенадцати стульев». Во-первых, помета «У Багрицкого в Кунцеве». Багрицкий переехал в Москву в 1925 году; едва ли он мог быть близко знаком с Мандельштамом, да к тому же жить или отдыхать в Кунцеве до 1927 г., когда Ильф и Петров писали роман. Так что скорее всего Мандельштам произнёс эту шутку позднее. Во-вторых, сам характер «шутки» совершенно неясен без уже известного представления о «Гавриле»...»

Последний аргумент вдумчивого историка литературы, полагаю, особенно убедителен. После выхода романа Ильфа и Петрова пародийная «Гаврилиада» вызвала интерес у самых разных читателей, включая и малоизвестных «проработчиков» Ильфа и Петрова, и весьма широко популярных людей, причастных к литературе. Известно, что её комплиментарно упоминали и цитировали В.В.Маяковский и Н.И.Бухарин. Без знания ляписовских «шедевров» четверостишие Мандельштама в значительной мере лишается своего юмористического звучания.

Конечно, нельзя исключить обнаружения в будущем каких-либо неизвестных ныне документов, которые позволят уточнить датировку шутовского четверостишия, однако и сейчас на вопрос о приоритете «Гаврилиады» и прототипе её автора можно отвечать с большой долей вероятности.

¹ Первое издание книги Я.С.Лурье «В краю непуганых идиотов» вышло в 1983 г. во Франции под псевдонимом: А.А.Курдюмов.

Список использованной литературы

1. Вентцель А.Д. Примечания и комментарии к примечаниям. Из комментариев к «Двенадцати стульям» / А.Д. Вентцель // Звезда. – 2002. – № 12.
2. Вулис А.З. И.Ильф, Е.Петров. Очерк творчества / А.З. Вулис. – М.: Гослитиздат, 1960.
3. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 6 т. / Н.В. Гоголь. – М.: Худож. лит., 1959. – Т. 3.
4. Ильф И. Собрание сочинений: В 5 т. / И. Ильф, Е. Петров – М.: Худож. лит., 1961. – Т. 1.
5. Ильф И. Двенадцать стульев / И. Ильф, Е. Петров. – М.: Панорама, 1995.
6. Ильф И. Двенадцать стульев. Первый полный вариант романа с комментариями М.Одесского и Д.Фельдмана / И. Ильф, Е. Петров. – М.: Вагриус, 1997.
7. Коваленков А. Хорошие, разные. Литературные портреты / А. Коваленков. – М.: Московский рабочий, 1966.
8. Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая / Я.С. Лурье – СПб: Дмитрий Буланин, 1997.
9. Мандельштам О. Слово и культура / О. Мандельштам. – М.: Сов. писатель, 1987.
10. Мандельштам О. Сочинения: В 2-х т. / О. Мандельштам – М.: Худож. лит., 1990.
11. Мандельштам О. Извозчик и Дант / О. Мандельштам. – М.: Правда, 1991.
12. Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4-х т. / О. Мандельштам – Москва: АРТ бизнес центр, 1993. – Т. 2.
13. Мандельштам О. Полное собрание стихотворений / О. Мандельштам. – СПб.: Академический проект, 1997.
14. Пастернак Б. Избранное: В 2-х т. / Борис Пастернак. – М.: Худож. лит., 1985. – Т.1.
15. Чехов А.П. Избранные сочинения: В 2-х т. / А.П. Чехов – М.: Худож. лит., 1979. – Т. 2.
16. Щеглов Ю.К. Романы И.Ильфа и Е.Петрова. Спутник читателя / Ю.К. Щеглов; 3-е издание, исправленное и дополненное. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009.

Статтю подано до редколегії 26.10.15

Соколянський М.Г.

м. Любек, ФРН

m.sokolyansky@gmail.com

«ДВНАДЦЯТЬ СТУЛЬЦІВ» ІЛІ ІЛЬФА ТА ЄВГЕНА ПЕТРОВА: НОТАТКИ ДО КОМЕНТАРІВ»

Славетна діалогія Ільфа та Петрова останнім часом витримала декілька нових, коментованих видань. Незважаючи на великий обсяг коментарів, деякі назви, прізвиська, дати у романах залишаються недостатньо або навіть помилково з'ясованими. У статті пропонуються додаткові примітки до трьох моментів у першому з романів діалогії.

Ключові слова: Ильф, Петров, діалогія, роман, коментар, джерело, прототип.

Sokolyansky M.G.

Lübeck, BRD – Germany,

m.sokolyansky@gmail.com

«THE TWELVE CHAIRS» BY ILYA ILF AND EVGENIJ PETROV: NOTES TO COMMENTARY

The famous satirical novels by Ilya Ilf and Evgenij Petrov need detailed and exact comments. During the 1990s the first of them («The Twelve Chairs») was commented by several scholars, and the modern as well as the future readers have already access to some commented editions of the book. Nonetheless, there are interesting and important characters, situations and phrases which remain non-commented or even not enough comprehended. In the paper the comments on three passages of the kind are proposed.

Key words: Ilf, Petrov, dilogiya, novel, comment, source, prototype.